Вестник КемГУ. Серия: Политические, социологические... 2019, 4(3)
DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-300-309

оригинальная статья
УДК 316.422

Ресурсы гражданских инициатив в городах Кузбасса*

Евгений В. Головацкий [a, @]; Наталья В. Нятина [a]
[a] Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, Красная, 6
[@] xomaik@rambler.ru

Поступила в редакцию 12.11.2019. Принята к печати 03.12.2019.

Аннотация: Развитие гражданских инициатив является значимым показателем общественно-политической жизни территории. Изучение наполненности инициативами городского пространства демонстрирует не только состояние гражданского общества, но и ресурсные возможности территорий. Цель – поиск инструментов социологического анализа ресурсов гражданских инициатив. В материалах статьи рассматриваются возможности социально-политического взаимодействия городских сообществ с институтами власти в регионе. Результаты исследований позволяют говорить о недостаточной сформированности и качественной наполненности содержания гражданских инициатив в рамках городских сообществ Кузбасса в плане самостоятельности выражения интересов, характере инициатив, а также масштабе ресурсного оснащения возможностей населения на местах. В статье сделан акцент на том, что современная практика использования и привлечения ресурсов гражданских инициатив в городах Кузбасса находится на стадии становления. Появляются отдельные форматы взаимодействия власти и населения в данном направлении, но они не характеризуются должным уровнем доверия со стороны местных сообществ и не отвечают требованиям системности и постоянства. Сделан вывод, что в процессах взаимодействия городского населения и представителей власти постепенно увеличиваются примеры совместных и автономных (со стороны населения) случаев использования информационных поводов реализации формальных и неформальные гражданских инициатив городских территорий Кузбасса. Формальные гражданские инициативы не передают всего многообразия социального заказа населения на усовершенствование городской жизни и решение части насущных проблем городских территорий.

Ключевые слова: социальный ресурс, гражданский активизм, городская территория, социальное взаимодействие, социологическое исследование

Для цитирования: Головацкий Е. В., Нятина Н. В. Ресурсы гражданских инициатив в городах Кузбасса // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2019. Т. 4. № 3. С. 300–309. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-3-300-309

Введение

В современном российском обществе актуализировалась практика социального заказа на различные свободные от администрирования формы участия населения в решении социально значимых проблем территории. Расширяются возможности соучастия местного сообщества в форме диалогового взаимодействия с властными институтами. Данная особенность обусловлена генезисом гражданского общества, стремлением населения реализовывать социальный контроль «снизу», а также необходимостью ресурсной консолидации ради достижения поставленных целей вопреки имеющимся бюрократическим механизмам. Гражданский активизм помимо диспозиционной практики взаимодействия имеет и рациональные корни, связанные с ориентацией населения не только на ресурсы власти, но и на потенциал социального окружения. Цифровые инициативы гражданских взаимодействий еще более подчеркивают активный характер современных коммуникаций [1]. Новые формы взаимодействий требуют от исследователей, управленцев и представителей власти поиска комбинированных приемов диагностики, включая online-технологии исследования качества данных [2] и профессионального сопровождения возможностей городских инициатив населения.

Трансформация городских условий и практик социального взаимодействия отмечается отечественными и зарубежными исследователями на протяжении значительного периода времени. Исследователи на основе исторического материала предпринимают попытки показать роль городов в процессе трансформации социальной среды [3], постараться соотнести современное состояние общественно-политической жизни города с возможными нововведениями в устройстве и взаимодействии «городских жителей с городом» [4]. Региональные сибирские города на современном этапе территориального развития вынужденно представляют «сообщество компромисса» по отношению к «точкам развития» (притяжения), ресурсным центрам, в сочетании с региональной спецификой и внешним

* Статья подготовлена при поддержке ГРАНТ РФФИ № 18-411-420001\19, ГРАНТ-Регион № 10, 2019.

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-300-309

технико-производственным, сырьевым (ресурсным), экологическим и геополитическим окружением.

Задачей данной публикации является обнаружение исследовательских подходов диагностики и социологического сопровождения гражданских инициатив городских жителей Кузбасса. В авторском материале рассматриваются возможности социально-политического взаимодействия городских сообществ, органов власти (различного уровня) и новых «сетевых» участников в регионе. Региональные гражданские инициативы могут представлять самобытные социальные ресурсы, схемы выстраивания коммуникаций (диалога) с местной властью, обладать уникальными городскими архетипами формирования повседневных коммуникаций в городском окружении.

Методы и методика

Современные исследователи отмечают, что волна социальных вызовов, ответов и рисков постепенно проникает в различные подсистемы общества. В этом процессе происходит обновление социальных функций устойчивых организационных структур, благодаря чему в существенной мере освобождается стихийная энергия общества. Она аккумулируется в разнонаправленных интересах, потребностях, запросах, способностях действовать, свойственных отдельным индивидам, начинают структурировать новые формы воплощения, пытаясь разрешить проблемы прошлого и настоящего современной истории, пропущенные и интерпретируемые сквозь призму индивидуального и коллективного опыта [1]. В настоящее время происходит раскрытие ряда новых социальных и политических позиций субъектов в социальном пространстве, способных стать основой «множественного расширенного порядка» (Ф. фон Хайек [5]). Такие практики, будучи ограниченными структурными и культурными ресурсами индивидов и групп, не только воспроизводят, но и активно изменяют структурные и культурные основания общества, становятся фактором накопления его новых социальных сил. В первую очередь трансформациям подвергается «обжитое» и наиболее часто используемое пространство, характер изменений в котором в то же время может поддерживать реализацию организационных и управленческих функций в «управляемом» и «домашнем» мире современного человека [6]. На наш взгляд, в большей степени подобным требованиям может отвечать современное городское пространство.

Предлагаемая к использованию методика представляет исходный компромиссный вариант (исследовательский модуль), который в перспективе может обрастать гибридными методами измерения и диагностики развития городских инициатив, вариативными диспозициями исследовательского инструментария. Целью исследования является обоснование методологических и методических подходов к исследованию социальных и политических взаимодействий городских и региональных сообществ с использованием гибридных методов, сочетания комплекса методов социального картографирования, визуальной социологии, приемов сетевой социологии и социальной инженерии.

Современная теория общественного участия создавалась преимущественно в интересах диагностики и объяснения развитых демократий, подобное описание «исследовательской оптики», используемой для оценки состояния гражданского общества: «видимые проявления активизма, членство в добровольных ассоциациях, участие в выборах, выбор стратегий общественными движениями, роль лидеров, эффективность коллективного действия оказывались в фокусе чаще, чем вопрос о том, почему горожане мобилизуются для защиты своих интересов именно в такой форме. <...> Формальная политика для горожан становится заметно менее привлекательной и интересной, чем новые креативные неформальные коллективные практики» [7, с. 164–165] (табл. 1).

Табл. 1. Измерения государственных и гражданских инфраструктур [7, с. 167]
Tab. 1. Transformations of formal and informal state and civil infrastructures [7, p. 167]

Практики	Государственные инфраструктуры	Гражданские / партиципаторные инфраструктуры
Формальные	Профильные комитеты, государственные службы, городская администрация	Голосование, референдумы, партиципаторное бюджетирование, легальные формы самоорганизации и кооперации граждан, муниципальное самоуправление, соседские НКО и прочие формальные организации
Неформальные	Коалиция, коррупция, неформальные договоренности	Сети, знакомства, DIY, низовая самоорганизация, субъектность

Внимание к неформальным практикам приобрело особую актуальность благодаря буму исследований гражданского общества в странах т. н. глобального Юга: свидетельства из Латинской Америки, Африки и Юго-Восточной Азии привели к «неформальному повороту» в социальных и политических науках [7; 8].

Методология исследования с необходимостью учитывает результаты количественных эмпирических исследований, панельных и мониторинговых анкетных опросов и массива качественных нарративов, построенных

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-300-309

по результатам интервью: банк нарративных интервью «Гражданские инициативы в городах Кузбасса» (открытая для заполнения на момент подготовки материалов база качественных данных). Полагаем, что именно сочетание количественных и качественных подходов позволит получить наиболее обстоятельную ситуативную картину оценки гражданских инициатив и социальных ресурсов городского населения Кузбасса.

К числу характеристик гражданских инициатив следует относить:

- ситуативный характер инициатив, который свидетельствует о том, что они являются ответом на противоречия социальной среды или обусловлены ограниченностью ресурсов для реализации инициатив или источников пополнения необходимых средств;
- динамичность инициатив, обусловленная внешними условиями. Так, эволюционные постепенные социальные изменения могут приниматься местным сообществом в режиме стратегии невмешательства, при этом определенная единичная реформа может спровоцировать волну масштабных инициатив, которые в свою очередь могут быть ориентированы на внешние (по отношению к местным сообществам) направления или замыкаться на реализации частных (индивидуализированных) интересов.

Гражданские инициативы не всегда носят целенаправленный и последовательный характер. Гражданская инициатива, как правило, возникает в наиболее проблемной зоне общественной жизни и требует оперативного реагирования, не оставляя времени ее инициаторам на разработку всестороннего плана действий и оценку потенциальных рисков [3].

Гражданские инициативы предусматривают разноуровневый масштаб реализации:

- «отчуждаемость» общественных инициатив (перефразировав информационный подход Л. Г. Ионина – общественные инициативы выступают в роли разрушителей гражданских предложений, уникальных проектов и пр.);
- различная, зачастую диаметральная направленность некоторых инициатив: возможна как в русле рациональной направленности, так и в иррациональных выражениях;
- публичность инициатив (может обеспечиваться в нескольких полях одновременно, например, на информационном, административно-управленческом, повседневно-поведенческом уровнях);
- подконтрольность властным институтам (мера контроля, на наш взгляд, должна избегать декларативности и главным образом обеспечивать один из главных принципов – безопасность / свободу выражения общественных мнений);
- целью гражданской инициативы может выступать как решение конкретной проблемы, так и изменения сложившихся условий и «правил игры».

При рассмотрении ресурсов гражданских инициатив особую значимость представляет теория структурации Э. Гидденса, согласно которой структуры рассматриваются как набор правил и ресурсов. Правила, которые действуют в социальной системе, можно разделить на *нормативные*, соответствующие процессам легитимизации, конкретным правам и обязанностям, и *толкования* (интерпретации), соответствующие уровню определенного мировосприятия. Гражданские инициативы аккумулируют данные два типа правил: они опираются на нормативную основу социальной жизни, но благодаря реальным жизненным обстоятельствам появляется новое звучание социальных требований в обновлении определенных стандартов и принятых шаблонов. Э. Гидденс различает социальную и системную интеграции [9], которые составляют основу гражданских инициатив. Социальная интеграция предопределяет системность на уровне непосредственных социальных связей, т. е. «лицом к лицу», и подчеркивает значение пространства и соприсутствия в социальных отношениях. Системная интеграция описывает системность на уровне отношений между социальными объединениями. Социальная интеграция зависит от взаимообусловленности акторов в контекстах соприсутствия. Именно такая интеграция имеет особое значение, когда гражданские инициативы выступают как коллективное «со-переживание» определенной проблемы, в то время как системная интеграция подчеркивает институциональность взаимодействия и взаимообусловленность социальных групп в раздвинутых пространственно-временных координатах.

Возможности выражения гражданских инициатив в обществе одним из первых в отечественной социологии подчеркивал представитель государственной школы Б. Н. Чичерин. В работе «Философия права» он понимает гражданское общество как политический союз между государством и обществом, который направлен на развитие частной собственности, расширение степени свободы личности в отношении внешнего мира [10]. По мнению социолога, совершенно ошибочно насаждать определенные социальные изменения, важно при внедрении определенных преобразований основываться на принципах умеренности, разумности, осторожности, последовательном обсуждении вопросов с населением. Полагаем, что данные допущения сохраняют актуальность и в условиях современного общества рисков и уязвимостей.

Социологическая интерпретация гражданских инициатив с точки зрения ресурсного подхода делает акцент на их следующих ключевых основаниях-признаках:

- Инициативы носят личностно-ориентированный характер с учетом топологического измерения. Э. Гидденс отмечает, что ресурсы не являются объективными, а возникают как результат деятельности людей.
- Гражданские инициативы необходимо рассматривать через призму минимизации социальных рисков.

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-300-309

Выражение определенных предложений жителей относительно благоустройства жизненного и социального пространства, решение социальных проблем, стремление общими усилиями решить задачи и т. д. – все эти действия смягчают социальную напряженность, привлекают внимание действующих институтов власти, что соответствующим образом влияет на социальное настроение и политически ориентированную деятельность личности / группы.

- Объектами гражданских инициатив могут быть социальные отношения, состояние физического пространства с акцентом на возможности его социального конструирования [11].

При реализации гражданских инициатив внимание уделяется ресурсной оснащенности, акцент при этом ставится на социальных ресурсах [12], В. И. Ильин определяет социальные ресурсы как то, что люди используют для обеспечения собственной жизни и деятельности [13]. Они отвечают таким характеристикам, как самовоспроизводство, лабильность, праксиологичность, флуктуационность, эмерджентность, дискурсивность. Специфика их использования состоит во включенности в социально значимую деятельность в пределах определенного пространства и времени. В контексте определенного социокультурного развития востребованы могут быть ресурсы различного характера.

Для реализации и выявления гражданских инициатив важным является понимание инновационной личности, которое было введено Э. Хагеном в 1962 г. в книге «Теория социальных изменений». Исследователь отмечает, что для современного общества важна инновационная личность, т. к. она способствует возникновению самоподдерживающих изменений, которые обновляют практики повседневной жизни, ее стандарты и ценности [по: 14]. Она отвечает таким требованиям, как нонконформизм и терпение к другим людям. Источником формирования инновационной личности является «выход за пределы статуса», т. е. определенные нестандартные системные состояния. Э. Хаген называет четыре типичных случая таких состояний:

1) когда целая группа теряет свой прежний статус;

2) когда, по мнению группы, к ней относятся не так, как следует;

3) когда возникает несоответствие, нестыковка между разными измерениями статуса;

4) когда группа еще не заняла желаемый статус.

Американский исследователь А. Инкелес к числу первостепенных качеств современной личности относит открытость человека экспериментам, инновациям, изменениям [15]. Это может выражаться в различных формах: готовности выражать собственные инициативы по решению местных проблем, включаться в новые социально значимые практики, организовывать социальные коммуникации с институтами власти для определенного воздействия. Даже спонтанно организованные гражданские группы и их социальный капитал имеет важное значение для надлежащего функционирования официальных государственных учреждений. В последние годы развитие социологической теории характеризуется особым вниманием к проблеме личностной субъективности как ведущего факторов социальных преобразований [16]. Согласно социологии постмодерна социальная реальность характеризуется многообразием социальных практик, инициируемых личностью. Л. И. Никовская и др. отмечают, что в социологии на понимание роли субъекта в социальной системе сложилась парадигма социальной субъективности, которая имеет два теоретических направления: теория агентов и историческая социология [17]. По данному подходу особенности социальной действительности во многом определяются созидающей активностью агентов.

Результаты

Гражданские инициативы представляют собой результат свободного, поливариантного взаимодействия граждан, который направлен на диалог с властью для коррекции, оптимизации и смягчения проблем развития территории. Они могут выражаться в следующих формах: организационная форма (Общественная палата, общественные советы, профсоюзы, некоммерческие организации (НКО), в том числе общественные объединения), стихийная форма как несогласие на социальные изменения, инициируемые «сверху», ситуационная форма, обусловленная субъективным видением на специфику развития местной территории. Формы инициатив распределяются по вертикальной оси. Это регулятивные практики (организационно-управленческие, властные) взаимодействия с властью, варьирующиеся от количества ресурсов, вариаций практик, проактивности-реактивности (обращения граждан, работа НКО [18], волонтеры, организация досуговых практик, политические активисты, практики альтруизма, благотворительности, онлайн-формы, слактивизм). Это практики, формирующие гражданскую культуру населения.

По данным отчета Общественной палаты Кемеровской области существующий инициативный, а иногда и инициативно-протестный потенциал жителей достаточно высок. За три квартала 2019 г. в рамках данной организационной формы решались вопросы различного характера: жилищные проблемы, экологические трудности (например, создание лесопаркового зеленого пояса в городах Кемерово, Белово, Новокузнецк), защита природных богатств Кузбасса, решение вопросов по ущемлению прав отдельных социальных категорий (предпринимателей, заключенных) и др.

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-300-309

НКО в Кузбассе реализуют интенсивную деятельность в содействии проблем жителям региона (табл. 2[1]). Согласно сведениям Федеральной службы государственной статистики в 2018 г. всего зарегистрировано 1932 социально ориентированных НКО (в 2015 г. – 2127 единиц), а средняя численность добровольцев в данных организациях – 26232 человека (в 2015 г. – 63867 человек). Содержание и характер деятельности НКО в совокупности демонстрируют вектор возможностей в сочетании с интересами и ресурсами местных сообществ.

Табл. 2. Распределение некоммерческих организаций по направлениям деятельности (Кемеровская область, сравнительная оценка 2015 / 2018 гг.)
Tab. 2. Non-profit organizations, according to activity (Kemerovo region, comparative assessment for 2015 / 2018)

Направление деятельности	2015	2018
Профилактика социального сиротства, поддержка материнства и детства	39	48
Социальная поддержка и защита граждан	501	421
Оказание юридической помощи на безвозмездной или на льготной основе гражданам, правовое просвещение населения, деятельность по защите прав и свобод человека и гражданина	125	112
Благотворительная деятельность	337	217
Деятельность в области улучшения морально-психологического состояния граждан и духовного развития личности, содействие такой деятельности	358	191
Поддержка общественно значимых молодежных инициатив, проектов, детского и молодежного движения, детских и молодежных организаций	53	82
Иные виды деятельности, направленные на решение социальных проблем, развитие гражданского общества в РФ	225	159

К числу приоритетных направлений деятельности общественных организаций в Кемеровской области относятся социальная поддержка и защита граждан, а также благотворительная деятельность. Актуализация данных форм практик свидетельствует о стабильном социальном запросе в организационном сопровождении в достижении повседневных потребностей и интересов.

Ежегодное мониторинговое исследование «Кузбасс – политика» (КП-2017 «Отношение населения к социальным проблемам региона и оценка состояния систем жизнеобеспечения»), апрель-май 2017 г., проводимое кафедрой социологических наук КемГУ, было сориентировано на гнездовой охват территории области. В исследовании представлены южные, центральные и северные территории области. Опрос проводился на территории городов Кемерово, Новокузнецк, Ленинск-Кузнецкий и пгт. Яя (объем выборки – 1056 человек).

Полагаем, что инициативы в полной мере артикулируются и обозначаются представителями населения в том случае, если актуализирован проблемный сектор регионального (территориального) развития, т. е. обозначена и, вероятно, даже стратифицирована та или иная социальная проблема. В числе 5 основных беспокоящих проблем, существующих в городе проживания респондентов, отмечаются проблемы материального плана.

По итогам исследования больше всего людей в городах Кузбасса беспокоят экономические проблемы: невысокие зарплаты (65,7 %), цены на необходимые товары (46,6 %), проблемы безработицы (41,5 %); инфраструктурные: плохие дороги (44,4 %), проблемы ЖКХ (33,4 %) и др.

Среди проблем, получивших наименьшее распространение, называются следующие: перебои с работой общественного транспорта (5,9 %); произвол местных властей (5,2 %); плохая работа правоохранительных органов (4,7 %). По результатам массовых количественных вопросов проблемный акцент ставится на материальное благополучие, экономическое состояние общества и проблемы безработицы. Тревожащим показателем можно считать высказывание 34,7 % респондентов о готовности переехать в другой город в случае внезапного возникновения сложной жизненной ситуации, связанной с нынешним местом проживания. В то же время мы понимаем, что значительная часть подобных ответов скорее подчеркивает диспозицию ценности места жительства для современных горожан, нежели выражает твердое и обеспеченное необходимыми ресурсами решение покинуть город. При этом 33,7 % респондентов не согласны использовать и классический прием «Писать жалобы и обращения в вышестоящие инстанции» (при 15 % затруднившихся прокомментировать этот прием взаимодействия). Полагаем, что данное решение может демонстрировать неработоспособность командно-административных приемов взаимодействия городского населения и власти.

С другой стороны, 58 % (при 22,2 % затруднившихся ответить) горожан из числа опрошенных не согласились бы приютить у себя в доме беженцев. Показатель ксенофобии или ограничений толерантности сам по себе не работает на измерение уровня инициативности, однако может демонстрировать наполненность повседневного социального мира горожан другими, более значимыми и важными, по их мнению, проблемами (безработица, жилищно-коммунальное обслуживание, рост цен и уровень заработной платы и т. д.).

[1] Составлена по: Отчеты о работе Общественной палаты Кемеровской области. Режим доступа: http://opko42.ru/reports/ (дата обращения: 04.11.2019).

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-300-309

С точки зрения формальных инициатив 4 % респондентов указали, что в свободное от основных занятий время принимают участие в работе волонтерских организаций. При этом только 0,4 % затруднились обозначить свое свободное время, а 10,3 % респондентов ответили, что практически не имеют свободного времени. В то же время мы предполагаем, что некоторая часть респондентов переместила свое свободное время в пространство Интернет (соответственно 11,6 % и 12,4 % респондентов по итогам анкетных опросов в 2017 и 2018 гг.). Вероятно, именно в этой среде формируются новые «облачные» и сетевые площадки обсуждения и актуализации гражданских городских инициатив.

«Сегодня в России участие в социальных сетях распространено не столь широко, как доступ в Интернет. По данным исследования ИС РАН, регулярно (ежедневно или несколько раз в неделю) социальные сети использует почти половина (47 %) граждан, что в численном эквиваленте означает, что в социальные сети сегодня вовлечены не менее 60 млн россиян. <…> …использование Интернета не всегда выливается в активность в социальных сетях – там регулярно общаются чуть более двух третей (71 %) активных пользователей Интернета. Еще треть активных интернет-пользователей в соцсетях зарегистрированы, но пользуются возможностями виртуального взаимодействия редко (13 %) или не пользуются вовсе (15 %). То есть как минимум треть активных пользователей Интернета в принципе не интересуют его коммуникативные возможности, а тем более возможности самоорганизации» [19, с. 103]. Однако процесс интернетизации населения запущен, и обратные тенденции можно рассматривать только в связи с угрозами глобальных геополитических, климатических или иных разрушительных трансформаций.

В современных российских социологических исследованиях приводятся рассуждения о трансформации методологии усложняющейся аномии, типологии новых проявлений аномии, «новой аномии» как ожидаемого и востребованного современным обществом направления социальных отношений. «Аномийное состояние – новая норма общества нового времени. Похоже, никому не интересно "общество без проблем", это более не самоцель социально-экономического и политического развития, социокультурных трансформаций» [20, с. 178; 21].

Если анализировать оценку населением городов деятельности городской власти, то в качестве иллюстрации можно привести примеры оценок жителями г. Кемерово работоспособности городской власти (табл. 3). Анкетный опрос проводился в г. Кемерово в феврале-марте 2019 г. (n=665 человек). На вопрос «Что из перечисленного городская власть выполняет лучше всего» допускалось несколько вариантов ответов.

Среди наиболее выделяемых форм деятельности городской власти респонденты отмечают управление муниципальной собственностью, финансовыми средствами местного самоуправления и охрану общественного порядка, обеспечение режима законности на данной территории, т. е. наиболее ресурсные и требующие публичного представительства виды деятельности. Если отмечать возрастную активность в оценках респондентов, то заметную интенсивность в оценках форм деятельности городской власти проявляют респонденты из двух возрастных категорий: 18–29 лет и 30–44 года. Полагаем, такая оценка является логичным последствием построения оценок деятельности органов власти в обществе переходного типа. Характерной особенностью построения оценок населением функционирования городской власти является отсутствие каких-либо рекомендаций и (или) предложений горожан по поводу разрешения возникающих проблем на территории.

Качественные нарративные исследования открывают несколько иную сторону проблемной жизни городских сообществ (автор описываемой методики Л. Ю. Логунова).

Табл. 3. Работоспособность городской власти, по мнению жителей г. Кемерово, %
Tab. 3. Efficiency of the city government, according to the residents of Kemerovo, %

Деятельность власти	Возраст респондентов			
	18–29 лет	30–44 года	45–55 лет	старше 55 лет
Обеспечение участия населения в решении местных дел	5,9	6,1	7,8	4,8
Управление муниципальной собственностью, финансовыми средствами местного самоуправления	13,4	14,5	16,5	13,3
Обеспечение развития соответствующей территории	11,8	11,5	4,9	8,6
Обеспечение потребностей населения в социокультурных, коммунальных, бытовых и других жизненно важных услугах	9,1	9,2	6,8	8,6
Охрана общественного порядка, обеспечение режима законности на данной территории	14,5	13,0	7,8	10,5
Защита интересов и прав местного самоуправления, гарантированных Конституцией РФ и законами	3,2	6,9	4,9	4,3

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-300-309

Перечислим некоторые инициативные и квазиинициативные программы и акции, заявленные или реализовавшиеся в Кемеровской области в недавнее время:

- фестиваль уличной культуры «Детализация-2017», г. Кемерово;
- конкурс на звание «Лучшая улица», г. Тайга;
- установка камня памяти «Окопы Ленинск-Кузнецкого пулеметного училища», г. Ленинск-Кузнецкий;
- организация спортивной площадки, «Праздник улицы» и обустройство придомных территорий (г. Ленинск-Кузнецкий, Лесной городок), г. Ленинск-Кузнецкий;
- акция «День добра» в рамках проекта «Мы выбираем здоровый образ жизни» (победитель областного конкурса на консолидированный бюджет), г. Мариинск;
- социальный проект «Тебе, Кузбасс!» (победитель областного конкурса на консолидированный бюджет), г. Прокопьевск;
- акции «Берег нашей памяти» и «Зелёная весна-2019», МБОО «Инициатива» и музей-заповедник «Красная горка», г. Кемерово;
- программа «Формирование современной городской среды на территории Мысковского городского округа на 2019 год», г. Мыски;
- проект «Культура малой Родины» в Кузбассе и др.

Приведенные примеры проектов показывают уровень «возможного» реализуемых инициатив. Примечательно, что большинство заявленных проектов и акций представляют собой гибридные сочетания гражданских поселенческих инициатив, а также региональных или федеральных проектов развития городских территорий РФ. Такое комплексное взаимодействие напоминает существование нескольких слабо пересекающихся в информационно-коммуникативном плане сторон-участников отношений, одна из которых формулирует правила и нормы отношений, а другая сторона демонстрирует проблемный фон (в виде неразрешенных местных социально-экономических проблем) и несоблюдение принципов обратной связи в отношениях городской власти и местных жителей.

Заключение

Гражданские инициативы в основном носят заявительный характер, т. е. инициируются и оснащаются в зависимости от поддержки органов местной власти [22; 23], либо реализуются в рамках федеральных социально-политических и экономических проектов. На данном этапе в приемах взаимодействия населения и власти городов Кузбасса обнаруживаются совместные (связываемые социальным заказом и властными инициативами проекты) и несвязанные / свободные инициативы горожан, которые носят преимущественно локальный территориально-поселенческих характер и обуславливаются соответствующим для осуществления набором ресурсов.

Среди актуализированных ресурсов городского населения можно обозначить следующие:

- индивидуально-личностные ресурсы граждан;
- коаптивные ресурсы сообществ горожан (например, в масштабах локализованных территорий города);
- потенциал виртуальных / сетевых сообществ городских жителей (развивающийся вид социальных ресурсов);
- интеллектуальные и социокультурные ресурсы горожан (качественное содержание которых зачастую обусловлено образовательным уровнем населения, а также социально-экономической специализацией деятельности).

Располагая определенным ресурсным потенциалом, население автономно имеет достаточно ограниченные возможности для реализации и внедрения социальных изменений с точки зрения собственного видения [24]. Как правило, подобные общественные инициативы ограничиваются попытками урегулирования повседневных жизненных практик социального взаимодействия в рамках «своей» (домашней) группы или территории. Однако должное институциональное сопровождение позволяет обновить «ткань» социального пространства, реконструировать объекты социальной инфраструктуры, акцентировать внимание на повседневных противоречиях с помощью инициатив [25].

Без взаимосвязи населения и власти невозможно правильно оценивать текущую социальную обстановку, т. к. важная часть информации, получаемая сторонами взаимодействия, может влиять на действия рассматриваемых субъектов территориального развития. Взаимный обмен информацией, идеями, ресурсами способствует качественному развитию городской территории и улучшению социально-политического климата [26].

Современная практика выявления и воплощения гражданских инициатив характеризуется противоречивой природой: проявляется интерес со стороны власти к ожиданиям и возможностям местного населения, но такая практика основывается на принципах фрагментарности, несистемности, ситуативности, топологической неоднородности [27]. Население территорий в свою очередь демонстрирует обобщенные социальные приемы социальных связей и отношений. Зачастую успешные практики взаимодействия населения и власти на своей территории участники относят на свой счет, отмечая сложность и ресурсную затратность отношений. В случае возникновения трудностей реализации заявленных на территории инициатив население апеллирует к недостаточным усилиям власти по построению правильных социальных взаимодействий или созданию умышленных препятствий, коррупционных схем. В частности, жители Кузбасса дают оценки уровня коррупции, возрастающие по мере удаления от них пространства коррупционных практик. Ситуация с коррупцией в России оценивается высоким уровнем 87,1 % (52,2 % респондентов отмечают очень высокий и 34,9 % – скорее высокий уровень коррупции), в Кемеровской области – 66,8 %. Обращает на себя внимание тот факт, что скорее низким уровнем коррупции в области

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-300-309

считают 24,8 %, в то время как в России лишь 7,7 %[2]. Население Кузбасса в основной массе выбирает традиционные и легитимные инструменты решения актуальных проблем.

За границами нашего исследования остался новый аспект территориального представления социально-политических отношений, при котором в обществе формируется социальный заказ на сферу услуг по информационному, нормативно-правовому, управленческому, социокультурному сопровождению повседневного взаимодействия, данное направление может стать темой дальнейших исследований.

Литература

1. Воронин П. Социология и Интернет: дискуссия состоялась // База данных ФОМ. 15.01.2005. Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/cat/smi/smi_int/gur050105 (дата обращения: 24.04.2019).
2. Терентьев Е. А., Нефёдова А. И., Груздев И. А. Влияние визуализации опросного инструментария в онлайн-исследованиях на качество данных // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 1–15. DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.01.
3. Сухоруков Д. В. Структурно-функциональная специфика городской среды как фактор социокультурного развития // Alma mater (Вестник высшей школы). 2018. № 6. С. 116–120. DOI: 10.20339/AM.06-18.116
4. Маккуайр С. Геомедиа. Сетевые города и будущее общественного пространства. М.: Strelka Press, 2018. 268 с.
5. Хайек Ф. Инидивидуализм и экономический порядок; пер. с англ. О. А. Дмитриевой / под ред. Р. И. Капелюшникова. Челябинск: Социум, 2011. 394 с.
6. Козырьков В. П. Характер доместикации современного общества // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2009. № 4. С. 86–92.
7. Желнина А. А., Тыканова Е. В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22. № 1. С. 162–192. DOI: 10.31119/jssa.2019.22.1.8
8. Pilkington H., Pollock G. "Politics are bollocks": youth, politics and activism in contemporary Europe. The Sociological Review. 2015. Vol. 63. № S2. P. 1–35. DOI: https://doi. org/10.1111/1467-954X.12260
9. Giddens A. Central problems in social theory: action, structure, and contradiction in social analysis. UC Press, 1979. 306 p.
10. Чичерин Б. Н. Философия права. М.: Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1900. 337 с.
11. Бурдье П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2013. 288 с.
12. Шпак Л. Л., Логунова Л. Ю., Головацкий Е. В., Кранзеева Е. А. Политическое сознание и поведение: эволюция и мобилизация. Кемерово: ИНТ, 2016. 151 с.
13. Ильин В. И. Социальная структурация в транзитивном пространстве российского мегаполиса // Мир России. Социология. Этнология. 2010. Т. 19. № 1. С. 89–125.
14. Малахова Н. Н. Инновационная личность как потребитель и производитель: экономические и социокультурные последствия формирования и функционирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2015. № 1. С. 127–137.
15. Inkeles A., Diamond L., Levinson D. J., Beier H., Hanfmann E. National character: a psycho-social perspective. Transaction Publishers, 1997. 392 p.
16. Орлова Э. А. Современная городская культура и человек. М.: Наука, 1987. 193 с.
17. Никовская Л. И., Якимец В. Н., Молокова М. А. Гражданские инициативы и модернизация России. М.: Ключ-С, 2011. 335 с.
18. Ягодка Н. Н. Гражданские инициативы как инструмент диалога между властью и гражданским обществом в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2015. № 4. С. 128–140.
19. Бараш Р. Э. Информационные и коммуникационные факторы самоорганизации россиян // Власть. 2015. № 11. С. 101–109.
20. Головацкий Е. В. Новая социология в изменившемся мире. Рецензия на книгу: «Нормальная аномия» в России и современном мире / под общ. ред. С. А. Кравченко. М.: МГИМО-Университет, 2017. 281 с. // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 4. С. 177–182. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-177-182
21. «Нормальная аномия» в России и современном мире / под общ. ред. С. А. Кравченко. М.: МГИМО-Университет, 2017. 281 с.
22. Marien S., Hooghe M., Quintelier E. Inequalities in non-institutionalised forms of political participation: a multi-level analysis of 25 countries // Political Studies. 2010. Vol. 58. № 1. P. 187–213. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2009.00801.x

[2] По данным анкетных опросов «Отношение населения к социальным проблемам региона и оценка состояния систем жизнеобеспечения» (апрель-май 2017 г., Кузбасс), n=393; «Мобилизация инициатив населения в решении социальных проблем территории» (апрель-июнь, 2017 г., Кузбасс), n=663.

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-300-309

23. Fukuyama F. Social capital, civil society and development // Third World Quarterly. 2001. Vol. 22. № 1. P. 7–20. DOI: https://doi.org/10.1080/713701144
24. Гусейнова К. Э. Прорывные инновационные проекты как решение проблемы стратегического развития страны // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4. № 4. С. 78–86. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-7
25. Ларина Т. И., Ильина А. А. Реконструкция социальных представлений о городе: опыт использования метода GO-ALONG // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 20–32. DOI: 10.14515/monitoring.2016.4.02.
26. Опрятная О. П. Тринитарный подход как методологическое основание управления сложностью // Социология: 4М. 2005. № 21. С. 29–50.
27. Онлайн исследования в России 2.0 / отв. ред. С. Г. Давыдов. М.: Северо-Восток, 2010. 336 с.

Resources for Civic Initiatives in the Cities of Kuzbass*

Evgeny V. Golovatsky [a, @]; Natalia V. Nyatina [a]
[a] Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000
[@] xomaik@rambler.ru

Received 12.11.2019. Accepted 03.12.2019.

Abstract: The development of civic initiatives is a significant indicator of the social and political life of the community. A study of urban space initiatives can reveal both the state of civil society and the resource capabilities of the area. The research objective was to find tools for sociological analysis of resources of civil initiatives. The paper features some possibilities of social and political interaction between urban communities and the regional authorities. The civil initiatives within the urban communities of Kuzbass appeared to be poorly formed, especially in terms of quality content, self-expression, the nature of the initiatives, and the scale of resource capacity of the local population. The authors believe that the modern practice of using and attracting resources of civil initiatives is at its early stage in the cities of Kuzbass. Some formats of interaction between the authorities and the community are gradually emerging, but the local communities seem to mistrust the local authorities, which makes the interaction irregular and sporadic. The processes of interaction between the urban communities and the authorities demonstrate cases of joint and autonomous (as a rule, initiated by the community) use of publicity opportunities for the implementation of formal and informal civil initiatives. However, formal civic initiatives fail to convey all the diversity of the social demands that could improve urban life.

Keywords: social resource, civic activism, urban territories, social interaction, sociological research

For citation: Golovatsky E. V., Nyatina N. V. Resources for Civic Initiatives in the Cities of Kuzbass. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2019, 4(3): 300–309. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-3-300-309

References

1. Voronin P. Sociology and Internet: successful dialogue. *Public Opinion Foundation, Database*, 15.01.2005. Available at: http://bd.fom.ru/report/cat/smi/smi_int/gur050105 (accessed 24.04.2019). (In Russ.)
2. Terentiev E. A., Nefedova A. I., Gruzdev I. A. Visualization of questionnaire in on line surveys: how different design features impact the data quality. *Monitoring of public opinion: Economic and social change*, 2016, (5): 1–15. (In Russ.) DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.01.
3. Sukhorykov D. V. Structural functional specific of urban environment as factor of socio-cultural development. *Alma mater (Vestnik Vysshey Shkoly)*, 2018, (6): 116–120. (In Russ.) DOI: 10.20339/AM.06-18.116.
4. McQuire S. *Geomedia: Networked cities and the future of public space*. Moscow: Strelka Press, 2018, 268. (In Russ.)
5. Hayek F. *Initialism and the economic order,* tr. Dmitrieva O. A., ed. Kapelyushnikov R. I. Chelyabinsk: Sotsium, 2011, 394. (In Russ.)
6. Kozyrkov V. P. Character domesticates a modern society. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, 2009, (4): 86–92. (In Russ.)

* The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research, grant No. 18-411-420001\19, GRANT-Region No. 10, 2019.

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-3-300-309

7. Zhelnina A. A., Tikanova E. V. Formal and informal civic infrastructure: contemporary studies of urban local activism in Russia. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 2019, 22(1): 162–192. (In Russ.) DOI: 10.31119/jssa.2019.22.1.8
8. Pilkington H., Pollock G. "Politics are bollocks": youth, politics and activism in contemporary Europe. *The Sociological Review*, 2015, 63(S2): 1–35. DOI: https://doi. org/10.1111/1467-954X.12260
9. Giddens A. Central problems in social theory: action, structure, and contradiction in social analysis. *UC Press*, 1979, 306.
10. Chicherin B. N. *Philosophy of law*. Moscow: Tipo-litografiia Tovarishchestva I. N. Kushnerev i K°, 1900, 337. (In Russ.)
11. Bourdieu P. *Sociology of social space.* St. Petersburg: Aleteia, 2013, 288. (In Russ.)
12. Shpak L. L., Logunova L. Yu., Golovatsky E. V., Kranzeeva E. A. *Political consciousness and behavior: evolution and mobilization.* Kemerovo: INT, 2016, 151. (In Russ.)
13. Ilyin V. I. Social structurization in the transitive space of the Russian metropolis. *Mir Rossii. Sotsiologiia. Etnologiia*, 2010, 19(1): 89–125. (In Russ.)
14. Malakhova N. N. Innovative personality as a producer and a consumer: economic and socio-cultural consequences of formation and functioning. *RUDN Journal of Economics,* 2015, (1): 127–137. (In Russ.)
15. Inkeles A., Diamond L., Levinson D. J., Beier H., Hanfmann E. *National character: a psycho-social perspective. Transaction Publishers*, 1997, 392.
16. Orlova E. A. *Modern urban culture and man.* Moscow: Nauka, 1987, 193. (In Russ.)
17. Nikovskaya L. I., Yakimets V. N., Molokova M. A. *Civic initiatives and modernization of Russia*. Moscow: Kliuch-S, 2011, 335. (In Russ.)
18. Yagodka N. N. Civic initiatives as an instrument of dialogue between government and civil society in Russia. *RUDN Journal of Political Science*, 2015, (4): 128–140. (In Russ.)
19. Barash R. E. Factors of information and communication in self-organization of the Russians. *Vlast*, 2015, (11): 101–109. (In Russ.)
20. Golovatsky E. V. New sociology in the changed world: a review on "Normal anomie" in Russia and the modern world" (edited by S. A. Kravchenko, Moscow: MGIMO-University, 2017). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki,* 2018, (4): 177–182. (In Russ.) DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-177-182
21. *"Normal anomie" in Russia and the modern world,* ed. Kravchenko S. A. Moscow: MGIMO-Universitet, 2017, 281. (In Russ.)
22. Marien S., Hooghe M., Quintelier E. Inequalities in non-institutionalised forms of political participation: a multi-level analysis of 25 countries. *Political Studies,* 2010, 58(1): 187–213. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2009.00801.x
23. Fukuyama F. Social capital, civil society and development. *Third World Quarterly*, 2001, 22(1): 7–20. DOI: https://doi. org/10.1080/713701144
24. Guseynova K. E. Breakthrough innovative projects as a solution to the problems of strategic development of the country. *Research result. Sociology and management,* 2018, 4(4): 78–86. (In Russ.) DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-7
25. Larina T. I., Iliina A. A. Reconstruction of social representations of the city using the GO-ALONG technique. *Monitoring of public opinion: Economic and social change,* 2016, (3): 20–32. (In Russ.) DOI: 10.14515/monitoring.2016.4.02
26. Opritnaia O. P. Trinitarian approach as methodological basis of complexity management. *Sotsiologiia: 4M*, 2005, (21): 29–50. (In Russ.)
27. *Online research in Russia 2.0*, ed. Davydov S. G. Moscow: Severo-Vostok, 2010, 336. (In Russ.)